

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1710–1711 гг. И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ НА КУБАНИ

В статье рассмотрены некоторые вопросы жизни казаков-некрасовцев на Кубани в начале XVIII в., их участия в военных конфликтах Крымского ханства и Османской империи с Россией

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, русско-турецкая война, Кубань, Крымское ханство, Османская империя

Значение анализируемых событий подчеркивается тем, что период 1708–1712 гг. занимает исключительное место в истории казаков Кубани. Это время налаживания их контактов с крымскими ханами, ногайцами, «старыми» кубанскими казаками [22, 90-95; 23, 78-83; 24, 234-260]. Это годы, когда судьба казаков-некрасовцев решалась не только в Бахчисарае, но и в Москве, и в Стамбуле, когда их социальная адаптация сопровождалась страхами и переживаниями за жизни членов их семей. Так, в 1709 г. Россия предприняла попытку добиться выдачи казаков-некрасовцев, которая, впрочем, успехом не увенчалась. Скрываясь тогда в Закубанье, казаки-некрасовцы и их лидеры, тем не менее, проявляют большую активность. Полагаем, что анализ участия казаков в военных кампаниях Крымского ханства и т.п. событиях поможет исследователям ответить на несколько важных вопросов, относящихся к ранней истории казаков-некрасовцев на территории Крымского ханства.

Среди таких вопросов выделим: отношение казаков к перспективам своего пребывания на Кубани и выстраивание ими новых жизненных ориентиров; отношение крымских ханов и турецких султанов к беглым казакам, которых вполне можно было бы сделать «разменной монетой» в политическом диалоге с Россией; формирование «пространства знания» о некрасовцах, об их удачном примере спасения на Кубани и удивительных, на первый взгляд, отношениях с «врагами христианства». Об идеализации отношений с ногайцами говорить не приходится – так, некий казак, присланный с Кубани «от вора Некрасова», показал, что «хотят их Кубанские владельцы выслать вон» [17, л. 24]. Были, конечно, среди казаков те, кому жизнь на Кубани казалась опасной, не сказать об этом нельзя. Так, 14 мая 1711 г. в адмиральской походной канцелярии донской казак Качалинской станицы «Сидорко Артемев» на допросе показал, что, уйдя с Некрасовым, он прожил на Кубани всего полтора года: «И в прошлом году на свтой неделе с Кубани он Сидорко зговорясь с казаками (пятью казаками. – Д.С.) бежали утайкою, сказались будто пошли делать лоток. И ушед с Кубани с повиною явились они в Черкасском войсковому атаману. И он из них двоих посылал в Азов, а из Азова прислан в Черкаской и ис Черкасского отпустили их жить по прежнему в домех своих» [18, л. 234]. Полагаем, что российские власти,

Войско Донское подобные практики поощряли, поддерживали – вот почему «случай Артемева» уникальным назвать нельзя. В расспросных речах некрасовских казаков, например, за октябрь 1710 г., содержатся сведения о шаткости положения на Кубани находящихся «во власти крымского хана» сторонников И. Некрасова [17, л. 23].

Из разговора запорожских казаков с «перекопским писарем» в январе 1709 г. следует, что от И. Некрасова и С. Беспалого «прислано... в Крым человек с 40 просить на помощь орды, которые де их присланные задержаны в Крыме до приезде из Порты нового хана, и чаёт он, что им хан ни в чем не поверит и из Крыму яко бунтовщиков не выпустит¹. А о Некрасове и Беспалом он писарь им сказал, что де стоят они ныне в 10 тысячах войска в Темрюке и намерены идти на слободские города» [25, с. 1035]. Из переписки же капитана О. Врангеля стокгольмскому правительству (от 30 октября 1711 г.) мы узнаем о тесных связях атамана И. Некрасова не только с крымским ханом Девлет-Гиреем II, но и со шведским послом в Крыму [5, с. 328]. Активность И. Некрасова и его казаков на Украине обратила на себя внимание российских властей. Из письма киевского губернатора Д. Голицына гетману И. Скоропадскому от 1 июня 1709 г. мы узнаем о поимке некрасовского агента, отправленного атаманом «в малороссийские города для возмущения я народа и для призывы к нему Некрасову, на берды, с пятьюдесятью человеки» [3, 484]. Оказалось, что вместе с 12 другими казаками он успел побывать в Кременчуге, Власовке, Голтве и в тех городах эсаулам, которые у сотников ходят, сказывали, чтоб людей возмущали и подговаривали к вору Некрасову идти на берда², в Кременчугу Федьку Далеску, в Власовке Андрею Савостианову, Харку Ларионову, в Голтве Сидору та Семену, и те эсаулы сказывали ему, что по их прельщению многие обещались к нему, вору, на берда идти, а товарищи его тридцать восемь человек остались за Днепром на сей стороне для такога ж возмущения и прельщения» [3, 484].

Содержание допроса казака-некрасовца стало известно Г.И. Головкину, оценившему важность информации. Недаром копию допроса сановник приложил к своему письму, адресованному адмиралу Ф.М. Апраксину. В частности, Головкин отмечал: «Писал ко мне... из Киева князь... Голицын... о выходе вора и изменника Некрасова к украинным городам, о чем изволите, доложу его царскому величеству, в вашей губернии о престоороге того воровства учинить осмотрение»³ [11, 554]. Власти обещали за содействие в

---

¹ В итоге хан Девлет-Гирей II поступил иным образом. Подр. см.: [21, 82–84].

² Обратим внимание, что все указанные населенные пункты достаточно далеко находились от р. Берды, впадающей в Азовское море.

³ Среди данных, содержащихся в материалах допроса казака-некрасовца, находим уточнение, что, отправляя группу из 50 человек в малороссийские города, И. Некрасов велел говорить, чтобы люди «шли к нему, Некрасову, на Берды, а велел сказывать, будто при нем войска 10000». Провокационная риторика налицо – казаков у атамана было намного меньше, важнее другое: находясь в Северо-Западном Приазовье (р. Берда

поймке таких возмутителей «государево жалованье». Много позже, 21 мая 1711 г., адмирал поспешил доложить царю о поимке «присланных от вора Некрасова шести человек шпионов ... о которых Вашему Величеству доносил письменно брат мой и уже оных в руках моих восемь человек» [4, 105]. В Канцелярии, например, казанского и астраханского губернатора П.М. Апраксина тщательно собирали сведения о деятельности некрасовских «эmissаров» на Дону, действовавших «для возмущения и наговору, чтоб привлечь и других к тамошним ворам побежать на Кубань» [18, л.16]. Подчеркнем, что масштабный Кубанский поход 1711 г. П.М. Апраксина определялся не в последнюю очередь, как свидетельствуют источники, необходимостью защиты от «татарев крымских и кубанских воровских казаков» [17, л.8].

Возможно, в истории 1709 г. с подговорами есаулов некрасовцы действовали самостоятельно. Но уже в мае 1710 г. состоялся набег на Украину объединенных сил кубанских татар, калмыков и «воровских казаков» во главе с И. Некрасовым. Уже вскоре некрасовским казакам пришлось в большей мере, чем раньше, подтверждать верность своему грозному покровителю – хану Девлет-Гирею II: 9 ноября 1710 г. Османская империя объявила России войну. В декабре 1710 г. князь Д. Голицын писал Ф.М. Апраксину о том, что, по полученным известиям «некоторая орда со изменниками с Орликом и Войнаровским и Некрасовым⁴ имеет вскоре быть к Днепру под украинные малороссийские города...» [4, 35]. Налицо ещё один аспект участия казаков-некрасовцев в военных кампаниях тех лет – это их союзные действия с запорожцами, находившимися в то время на территории Крымского ханства. Приезжали, судя по всему, казаки И. Некрасова в самую Алешковскую Сечь. Так, из показаний пленного запорожца Л. Васильева в Бахмутской воеводской канцелярии (октябрь 1712 г.) следует, что «Сечь де ныне стоит в урочище Кардашине, от Крыма в одном дне конем. Кошевым состоит вор Костя Гердеенко, а при нем же и казаки донские обретаюца, кои купно с Некрасовым ушли, а сколько оных числом того не ведает [20, л.87 об. – 88]. Вероятность организации переписки между казаками-запорожцами и Некрасовым весьма заботила российскую сторону, к примеру, в 1710 г. [11, 555]. Запорожцы и некрасовцы встречались на разных фронтах; пойманный в 1713 г. казак-запорожец Ф. Волошенко заявил на допросе в Полтаве, что ещё в 1711 г. некрасовцы участвовали в совместном походе многотысячной «кубанской орды» и запорожцев на р. Куму, где стояли под пятью городами (Пятигорьем, Беш-Тепе?), откуда крымцы и некрасовцы, возглавляемые самим И. Некрасовым, отправились под Азов [13, л.1]. Примечательно, что

впадает в Азовское море), Некрасов инициирует распространение информации о своем появлении в полках Гетманщины, в т.ч. Миргородском, Полтавском.

⁴ О контактах П. Орлика с И. Некрасовым см.: [9, 736].

сами запорожцы тогда остались зимовать «в Черкесах», вернувшись в Сечь уже перед Великим постом следующего года.

Возвращаясь на «украинский театр» русско-турецкой войны, отметим, что одна из татарских группировок, напавшая на Правобережную Украину, продвинулась к марту 1711 г. по ее территории до Белой Церкви [12, 100]. Из отписки донского атамана А. Кутейникова от 21 февраля 1711 г. царю Петру I следует, что хан Девлет-Гирей, собирая войска, прислал на Кубань султана Каплан-Гирея «для сбора и высылки Кубанской орды к нему хану крымскому в помощь». По сведениям татарина Сюрютова (запись допроса которого составляет основу отписки), сборы закончились 21 января 1711 г. в урочище на р. Челбас (Усть-Чалбаши), «да с ним-де салтаном изменник вор Игнатка Некрасов, а с ним, вором-изменником триста человек» [6, л.26].

Различные данные [4, 37, 40, 77] позволяют говорить об участии некрасовских казаков в боевых действиях на Украине, причем определенные свидетельства можно усмотреть в донесении генерал-майора Ф.Ф. Шидловского от 28 января 1711 г., адресованного Ф.М. Апраксину: «А все ведомости доносятся в Киев, что на наши полки Некрасов с ордою будет, так намерены не только наши полки, чтоб весь и Белгородский разряд разорить и выжечь; перед султаном так обещал учинить (т.е. И. Некрасов. – Д.С.), за что многий презент получил» [4, 40]. Нельзя исключать, отметим, попыток казачьего атамана завязать контакты со стамбульским двором. Учитывая активность на Кубани и за ее пределами новых казачьих лидеров, а также усилия еще первых кубанских казаков на попроще таких практик, полагаем, что такая связь могла иметь место.

В ходе походов на Украину и другие российские территории некрасовцы захватывали пленных – причем участие казаков в дележе ясыря также наводит на мысли о стабилизации их положения на Кубани в то время. Так, характерная, должно быть, история произошла в 1711 г., когда по показаниям жителя деревни Леонтьевы Буераки, что верстах в 50–60 от Троицкого, некрасовские казаки, действуя в союзе с кубанскими татарами, разорили и сожгли деревню, где «полон, в том числе и ево, Ивана, взяли ж и привезли на Кубань и розделили по разным аулам, а иных продали туркам на каторги» [15, 203]. Только в течение двух месяцев (март-апрель) 1711 г. на трех косах северного побережья Азовского моря татарами и казаками-некрасовцами было захвачено, по неполным данным, свыше ста гулящих людей и бурлаков [16, 222].

Некрасовцы участвовали в нападении татарских отрядов зимой 1710–1711 гг. на окрестности Азова, повторившемся туда набеге в мае 1711 г., а также некоторых других военных операциях во время войны 1710–1711 гг. Летом 1711 г. «кубанская орда» и казаки во главе с И. Некрасовым появились на Дону, подойдя к Верхним Каргалам. Сообщая об этом в письме своему брату, адмиралу Ф.М. Апраксину, П.М. Апраксин указал, что в ближайшее время направит туда «партию не малую, и, что явится, буду писать» [4, 176]. 30 августа 1711 г. у р. Кубани произошел бой между войсками нурадына-

султана, в числе которых находился И. Некрасов со 150 казаками, и закубанскими черкесами, причем победа была одержана последними [4, 258]. Последовательная позиция кубанских казаков выразилась также в их намерении участвовать в действиях османского флота летом 1711 г. В целом картина такова, что турки-османы неоднократно привлекали силы казаков-некрасовцев. Так, согласно сведениям поручика И. Честихина за октябрь 1711 г., в войске турецкого сераскира Мегмет-паши, направлявшегося с войском с Кубани к Азову, он видел при р. Чумбур «...в том же войске... вора изменника донского казака Игнашку Некрасова, при нем казачей бунчук, да таких же изменников донских казаков со сто человек» [19, л.151–151 об.].

Имя некрасовских казаков не случайно часто фигурирует рядом с именами крымских ханов. Казаки находились на особо приближенном положении у Гиреев, которые имели все основания доверять «игнат-казакам» и даже заботиться о них. Везде, где было нужно, некрасовцы оказывались в первых рядах: 6 сентября 1711 г. казаки снова пострадали за свое рвение, находясь в составе группировки нурадына-султана, разбитой на Кубани войсками П.М. Апраксина при р.Чале [2, 39]. Как правило, некрасовцы действовали в конном строю, формируя, быть может, отдельный казачий отряд. Неоднократно крымцы и турки-османы использовали великолепные знания казаков о Подонья, в т.ч. о бродах, тайных тропах и т.п. Владея родным для многих донцов языком, некрасовцы нередко обманывали местных жителей с целью поимки «языков» и сбора необходимых своим новым покровителям сведений. Некрасовцев, попавших в плен, донские казаки обычно убивали, прибегая к изощренным способам [7, л.48; 8, л.27].

Поскольку в течение 1711–1712 гг. Османская империя ещё дважды объявляла войну России, то некрасовцы не раз оказывались в разных районах столкновений. Из письма графа Б.П. Шереметева к графу Ф.М. Апраксину от 22 марта 1713 г. следует, что по оперативным данным, группа некрасовцев во главе с И. Некрасовым отправилась вместе с 5000 кубанцев в набег на донские городки. Другая их часть в составе тех же «неприятельских людей» участвовала в набеге на территорию Ливенской слободы, Валуйского и Полтавского уездов, где «многие села и деревни разорили и людей в полон брали и рубили и облегли близ городов Валуйки и Полтавы» [14, 375]. Возможно, именно об упоминавшемся набеге на Дон писалось в царской грамоте от 17 апреля 1713 г. со ссылкой на содержание отписки донских казаков: «...мимо Каменского городка шло орды с пять тысяч человек с теми же кубанцы есть и некрасовцы и черкасы» [1, 276]. В августе 1713 г. кубанцы снова перешли Дон, разорив, в частности, несколько казачьих городков по Хопру и Бузулуку. Бежавший из плена казак ст-цы Тепикинской – некий Гаврила, прямо указывал на то, что «с той-де ордою ходит проклятый вор Игнашка Некрасов» [6, л.76]. А вот как оценивал роль атамана П.П. Короленко: «Сам Некрасов, предводительствуя кубанскими казаками в татарских загонах, не щадил никого и своими зверскими убийствами вымещал злобу против правительства и русского царя за прежние гонения и

поражения раскольников» [10, 23]. И хотя гиперболизация такой оценки очевидна, заметим: сомнительно также оправдывать жестокости, совершаемые некрасовскими казаками по отношению к российским подданным, в т.ч. к мирному населению.

В заключение отметим: широта маневра, которую обрели некрасовские казаки при организации своей жизни уже в 1708–1712 гг. (активно пользуясь этим в последующие годы), была вызвана сознательно и быстро принятым ими решением: признать крымских ханов своими верховными правителями и служить им. В противном случае казаки столкнулись бы с постоянными преследованиями со стороны ногайцев, турок-османов, что, в конечном счете, привело бы к расправе над некрасовцами и к гибели общины. Свою роль сыграла здесь и личная позиция хана Девлет-Гирея II, и какие-то договоренности некрасовцев с ногайцами, и поддержка казаков И. Некрасова «старыми» кубанскими казаками. Со счетов нельзя сбрасывать исключительную роль «османского фактора», выразившегося в поддержке казаков И. Некрасова статьями Прутского (1711 г.) и Адрианопольского (1713 г.) мирных договоров, заключенных между Россией и Османской империей. Недаром после войны, когда определилась их судьба (Россия признала казаков подданными крымского хана), казаки-некрасовцы уверенно стали осваивать Правобережную Кубань, где на Таманском острове и под Еникопылом они возвели свои городки. Служение кубанских казаков-некрасовцев династии Гиреев переросло в социальный, исторический опыт, начало которому – в событиях 1708–1712 гг.

Библиографические ссылки:

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. – Новочеркасск, 1891. – Т.1.
2. Бранденбург Н. Кубанский поход 1711 года // Военный сборник. – 1867. – Кн. 3. – Март. Отд. II.
3. Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. – К., 2009.
4. Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция): материалы извлеченные из архивов / Изд. А.З. Мышлаевский. – СПб., 1898.
5. Возгрин В.Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1978. – Т.IX.
6. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). – Ф.55. – Оп.1. – Д.797 а.
7. ГАРО. – Ф.55. – Оп.1. – Д.1471.
8. ГАРО. – Ф.55. – Оп.1. – Д.1479.
9. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. – К., 2007.
10. Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар, 1900. Вып.2.
11. Материалы о восстании на Дону и в Центральной России // Материалы по истории СССР. – М., 1957. V (Документы по истории XVIII века).
12. Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С.Ф. Орешкова. – М., 1971.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.905. Д.Q- 347.

14. Письмо графа Б.П. Шереметева к графу Ф.М. Апраксину от 22 марта 1713 г. // Сборник РИО. – 1878. – Т. 25.
15. Пушкаренко А.А. Документы о русском земледелии в Приазовье // Краеведческие записки / А.А. Пушкаренко. – Ростов на/Д., 1964. – Вып. II.
16. Пушкаренко А.А. Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в. (очерки заселения и хозяйственного освоения края): Дис. ... канд. ист. Наук / А.А. Пушкаренко. – Ростов на/Д., 1967.
17. Российский государственный архив военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф.233. Оп.1. Д.16.
18. РГА ВМФ. Ф.233. Оп.1. Д.28.
19. РГА ВМФ. Ф.233 Оп.1. Д.31.
20. РГА ВМФ. Ф.233. Оп.1. Д.34.
21. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. / Д.В. Сень. – Краснодар, 2002.
22. Сень Д.В. Некоторые аспекты социальной адаптации некрасовских казаков на территории Крымского ханства в XVIII веке // «Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа в исторической ретроспективе»: Сб. материалов VII научно-практ. конф. (г. Краснодар, 21 декабря 2007 г.). – Краснодар, 2007.
23. Сень Д.В. Начальный этап адаптации донских казаков на территории Крымского ханства (1708–1712 гг.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. – Ростов на/Д., 2008. №4.
24. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в.– начало XVIII в.) / Д.В. Сень. – Ростов на/Д., 2009.
25. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков / Д.И. Эварницкий. – Владимир, 1904. – Т. I.

D. Sen

Russian-Turkish War 1710-1711 y. and Life initial stage of Nekrasov-Cossacks on Kuban

This article contains some questions life on Kuban Nekrasov-Cossacks at the beginning of the 18th century, their participation in military conflicts the Crimean Khanate and the Ottoman Empire and Russia.

Keywords: *Nekrasov-Cossacks, Russian-Turkish war, the Kuban region , the Crimean Khanate, Ottoman Empire*

Д. Сень

Російсько-турецька війна 1710-1711 рр. та початковий етап життя козаків-некрасівців на Кубані

В статті розглядаються деякі питання життя козаків-некрасовців на Кубані на початку XVIII століття, їх участі у військових конфліктах Кримського ханства і Османської імперії з Росією

Ключові слова: *Козаки-некрасовці, російсько-турецька війна, Кубань, Кримське ханство, Османська імперія*